
РОССИЙСКОЕ БЛАГОРОДНОЕ СОБРАНИЕ В КЛУБНОЙ СТРУКТУРЕ ДОРЕФОРМЕННОЙ МОСКВЫ

В.В. Ландинов

Центр по изучению отечественной культуры
Институт российской истории РАН
ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Россия, 117036

В статье анализируются социокультурные условия становления Московского Благородного собрания (с 1810 г. Российского Благородного собрания) и его места в клубной структуре Москвы дореформенного периода.

Ключевые слова: дворянство, Российское благородное собрание, клубное движение, дворянский клуб, консолидация дворянства, русская культура.

До начала реформ 1860—1870-х гг. клубная структура Москвы была чрезвычайно ограничена по своему спектру деятельности и состояла всего из 5 институализированных и признанных властями общественных объединений: Московского Английского клуба, Дворянского клуба, Купеческого собрания, Немецкого клуба и Российского Благородного собрания.

Клубное движение в России берет свое начало с 1770-х гг., и с конца XIX в. оно стало привлекать к себе внимание исследователей. Первые работы создавались к юбилеям этих заведений и носили популярный характер (1). В советское время обращение к истории клубов царской России по идеологическим мотивам оказалось фактически под запретом. Единственное исключение — книга В.А. Гиляровского (2). С 1990-х гг. ситуация стала меняться, и за последние 10 лет вышло немало работ, посвященных отдельным клубам и социокультурным аспектам клубного движения в России (3). Однако нельзя не согласиться с мнением Л.В. Завьяловой, что история отечественных клубов изучена недостаточно (4). Это суждение справедливо и для истории клубных заведений Москвы. Исследование истории клубов дореформенного периода выводит нас к целому ряду проблем истории общества и русской культуры, связанных с формированием гражданского общества, с трансфером европейских ценностей и традиций на русскую почву. Не претендуя на рассмотрение всех аспектов истории клубов, остановимся на выяснении социокультурных условий становления Российского благородного собрания (далее — РБС) и его места в клубной структуре Москвы дореформенного периода.

Старейшим клубом первопрестольной стал Московский Английский клуб, основанный в 1772 г. — два года спустя после С.-Петербургского Английского клуба. Появились английские клубы в столичных городах с целью создания благоприятных условий совместного проведения досуга для джентльменов. Клуб призван был стать местом, где максимально сконцентрированы самые разнообразные учреждения (ресторан, бар, читальный зал, абонемент библиотеки, бильярдная, казино и др.), способные удовлетворить всесторонние запросы просвещенного человека того времени.

Хотя первый клуб Москвы и именовался английским, но, в отличие от петербургского, он был основан не англичанами, а французами Петром Павловым

Тюлье и Леопольдом Годаином, арендовавшими по контракту в доме графа К.Е. Сиверса в Красном Селе «для содержания Английского клуба деревянные покои, большую связь, со всеми принадлежностями и для гулянья сад, от вышеозначенного числа (13 мая — *В.Л.*) вперед на четыре месяца, с платою в каждый месяц по 30 рублей...» (5). Возможно, клуб вскоре закрылся и возродился в 80-х гг. XVIII в. Аргументом в пользу этой версии служат данные о возникновении клуба, содержащиеся в предисловии к его уставам, опубликованным с 1859 г. до конца XIX в.

В литературе существует устоявшееся мнение, что первые российские клубы были наследниками петровских ассамблей (6). Думается, это утверждение справедливо только отчасти. Преемственность была не прямой, а опосредованной. Петровские ассамблеи были явлением новой придворной культуры. А английские клубы носили приватный характер, объединяя в своих рядах членов по их собственному волеизъявлению. Кроме того, они исходили из равенства всех членов, а придворная культура всегда иерархична. Правда, Петр I декларировал равенство всех присутствующих на ассамблеях, но едва ли участники ассамблей ощущали такое равенство. Суждение, что английские клубы Москвы и Петербурга были продуктом процесса европеизации, начатой Петром I, разумеется, справедливо. Но своим появлением первые клубы обязаны Петру III, даровавшему дворянству право не служить, и Екатерине II, подтвердившей после вступления на престол это право. Именно эта свобода привела к формированию «праздного класса» — обеспеченной и привилегированной прослойки городского населения, не занятой повседневной службой и не заботящейся о заработке своим трудом хлеба насущного. Потребности этой привилегированной части горожан и привели к русскому варианту организации клуба.

В декабре 1780 г. в Москве появился еще один клуб, о сословной принадлежности его членов говорит само название — «Дворянский клуб». Клуб вскоре распался из-за конфликта между старшинами и его содержателем французом К.А. Лефобюром. Два года спустя купец Илья Михайлов затеял для «подписавшихся персон, как господ, так и иностранного и русского купечества» собственный клуб. Тогда же создавала на аналогичных условиях свое заведение и иноземка Регина Фавер (7). В 1783 г. в Москве было открыто Московское благородное собрание. В 1786 г. в светскую жизнь включились и широкие слои купечества, создавшие собственный сословный клуб (8). Часть этих заведений быстро прогорела, другие окрепли. Среди последних Московское благородное собрание оказалось наиболее успешным. Уже через год оно покупает роскошный дом на Большой Дмитровке, который был перестроен архитектором М. Казаковым специально для проведения больших балов и музыкальных концертов.

Каким был статус нового учреждения? Первый историограф собрания А.П. Барсуков выразился довольно осторожно и неопределенно по данному вопросу: «частное общество, именовавшееся сперва Московским, а потом Российским Благородным собранием» (9). Историк И.С. Розенталь называет его «дворянским клубом». Он утверждает, что с 1796 г. клуб стал называться Благородным собранием, переименованным в 1810 г. в РБС, а с 1839 г. в нем собирались члены

«заново оформленного и более доступного, чем Английский, Дворянского клуба» (10). Косвенно эту точку зрения подтверждает и испанский дипломат Франсиско де Миранда (будущий герой войны испанских колоний в Южной Америке за независимость), побывавший в здании на Большой Дмитровке в мае 1787 г. В своем дневнике он именовал его «так называемый клуб» (11).

Возможно, в 1780-х гг. слово «клуб» («клуб») в России в дворянской среде в обиходе использовали для обозначения разных по своей природе учреждений: клубов и благородных собраний. Точно так же и Санкт-Петербургский Английский клуб именовался «Английским собранием». Но все же с рубежа XVIII—XIX вв. эти понятия начинают разводить. В чем же заключалось принципиальное отличие клубов от благородных собраний? Историк А.И. Куприянов применительно к рассматриваемому времени предложил классификацию общественных объединений, исходя из гендерного подхода (12). Рассматривая общественные объединения дворян, действовавшие в сфере публичного досуга, можно выделить два основных типа учреждений: «клуб» — мужское собрание и «благородное собрание» — общество, в котором полноправными участниками являлись дамы и «кавалеры». Английские клубы того времени были мужскими заведениями. Даже те клубы, которые устраивали балы и танцевальные вечера, держали часть помещений (библиотека, курительная комната и др.) недоступными для дам. И возникшие в России английские клубы также ориентировались на эту традицию (13).

В этом гендерном контексте предложенная И.С. Розенталем — автором содержательного исследования о роли клубов в формировании общественности в России — схема перехода от клуба к благородному собранию выглядит не совсем логично. Обычная практика была иной — мужская часть членов благородного собрания стремится отделиться, создать свой более тесный, по крайней мере, мужской круг. В клубное общество желавших принимали не по праву рождения, как в дворянские (благородные) собрания, а по рекомендации одного — двух членов, посредством баллотирования кандидатов. В русле этой тенденции находится и учреждение в 1839 г. Дворянского клуба. Следует отметить, что это была уже не первая попытка московских дворян создать при РБС клуб для общения джентльменов.

В дореформенную эпоху большинство дворян стремилось в Московский Английский клуб, в который могли попасть далеко не все желающие. Это привело в 1803 г. к организации Мужского дворянского клуба при собрании съезда. Данный «съезд» позаимствовал у «англичан» все принципы организации клубной жизни, кроме положения о членстве. В самом тексте «обряда» есть и прямое указание на то, что он ориентируется на нормы этикета, принятые в старейшем московском элитном клубе: «Кроме вторников, при входе оставлять шляпу у швейцара, военные могут ездить в сертуках, следственно без шпаг, а прочие все могут быть одеты кому как угодно и как ездят в Аглинской клуб» (14). Из-за гибели архива РБС в 1812 г. мы не можем судить об успешности мужского «съезда».

Новая попытка создать клуб при РБС была предпринята в 1819 г., когда В.И. Чертков предложил «для пользы дома (РБС — В.Л.) отделать неотстроенный фасад по Дмитровке, в коем устроить Российский Клуб, так чтобы онный состав-

лял Отделение Российского благородного собрания, со взносом каждый год денежной суммы» (15). Предложение было принято подавляющим большинством голосов (46 против 4). Но название «Российский Клуб» не прижилось. А. Барсуков указывал, что оно обычно именовалось «Отделением, принадлежащим дому РБС». Однако во внутреннем делопроизводстве: переписке, счетах, сметах — оно называлось иначе: «Отделение РБС», а главный источник о деятельности этого клуба назывался еще короче «Журнал Отделения» (16).

Следуя официальной логике основателей нового клуба, изложенной в письме от 23 апреля 1819 г. на имя московского военного генерал-губернатора гр. А.П. Тормасова, учреждение ежедневного собрания в особом отделении было выгодно для РБС. Оно вело к сокращению издержек всего дома на отопление, освещение и услуги членам. Неотделанная более 30 лет часть дома РБС должна была приносить значительный доход: члены нового клуба будут ежегодно платить за аренду 6 тыс. руб., а через несколько лет обещают удвоить эту сумму (17). Были ли эти «выгоды» подлинной причиной учреждения нового клуба или же эти аргументы — лишь предлог для обращения к генерал-губернатору с просьбой о присоединении к дому РБС прилегающей пустопорожней земли, принадлежащей Георгиевской церкви? Учитывая два важных обстоятельства: первое — что ранее, 8 марта 1819 г., предводитель дворянства Московской губернии П.Х. Обольянинов предполагал уступить пустующую часть дома Московскому Английскому клубу за ежегодную плату 11 200 руб.; второе — инициатива исходила от В.И. Чертова — члена комитета для выработки мер по восстановлению «цветущего состояния» РБС, можно сделать вывод в пользу искренности приведенных доводов. Логика членов РБС опиралась также на растущую «социабельность» дворянства, на потребность в повседневном общении в публичном пространстве мужского клуба.

Заведение клуба при РБС потребовало значительных средств для отделки здания и оснащения помещения мебелью и всем необходимым. С этой целью был создан акционерный капитал. Издержки по клубу должны были покрываться довольно высоким ежегодным взносом за билеты — 150 руб. Членские билеты клуба могли получить лишь члены РБС, которые пожелали бы баллотироваться в его ряды. Отделение было ограничено 300 членами. Среди первых избранных был и декабрист М.А. Фонвизин. Вскоре его членом стал и известный архитектор О.И. Бове. Недостатка в желавших стать членами этого клуба не было, но большие расходы на отделку Отделения, высокие цены на строительные и отделочные материалы после грандиозного пожара 1812 г., излишняя расточительность старшин и эконома клуба привели к тому, что уже через год встал вопрос о его дальнейшем существовании (18).

РБС никогда не был клубом в узком смысле этого слова, его двери открывались перед дворянами не благодаря приему в члены, а по факту благородного происхождения. Следует отметить, что процедура приема в члены клуба предусматривала механизм отсеивания неприемлемых кандидатов. Так, в «Правилах» 1803 г. было предусмотрено, что двое членов предлагают в собрание старшин «жела-

ющего или желающую вступить в первый раз в сие общество». Если у старшин нет сведений, порочащих кандидата, такового записывают в члены и дают билет. В случае отказа старшин предлагавшие имеют право «воззвать к обществу и просить предложенному ими баллотирования, выставя на доску имена предлагающих, предлагаемого и старшин, кои отказали принять» (19). Однако баллотирование кандидата рассматривалась как чрезвычайная мера, которая влекла за собой моральные санкции: «чрез баллы виновному да послужит суждение общества к стыду его» (20).

Сословный/социальный статус в рассматриваемое время имел определяющее значение и для других клубов. В частности, в ряды купеческого собрания могли вступить только купцы, а представителям других сословий необходима была рекомендация одного из членов, и они подлежали баллотировке. «Всякий подлинной купец, не бывший ни под каким штрафом, может быть членом сего общества», для этого ему следовало «объявиться» одному из директоров, «чтоб ему вписаться и получить билет для входа в оной», — говорилось в «Правилах купеческого клуба или собрания в Москве» (21). В 1803 г. сословно-профессиональный барьер вступления в Московское купеческое собрание был повышен. Все «благородные особы, имеющие заводы, фабрики и разные известные связи с купцами, также художники и ученые» могли быть предлагаемы для баллотирования лишь при условии «означенных связей с купечеством» (22).

Лишь Немецкий клуб, существовавший с 1819 г., отличался сословным демократизмом: «Особа, не принятая в иное общество по предрассудку к его ремеслу и званию, может вступить в наше Общество», — говорилось в его регламенте. Вместе с тем в клубе действовали ограничения по национальному принципу. Так, русские в рассматриваемое время не могли выбираться в старшины, хотя к 1833 г. их было 45% общего числа членов. А в 1839 г. русские члены клуба потеряли право на избрание действительными членами (23).

Все московские клубы дореформенной эпохи действовали в сословной парадигме. Но среди них особо выделялось РБС. Оно имело самые непосредственные связи первоначально с дворянством Московской губернии, что отражалось в его названии «Московское Благородное собрание». Именно здесь проходили выборы должностных лиц дворянского самоуправления и заседали депутатские собрания московского дворянства. РБС выполняло некоторые функции, которые непосредственно не относятся к клубной деятельности, в том числе занималось благотворительностью. РБС не только жертвовало деньги на разные филантропические начинания других обществ, но и имело собственные благотворительные программы. Среди этих программ были поддержка приходской церкви и создание пенсионного капитала для содержания бедных и нетрудоспособных чиновников, преимущественно офицеров. Такой капитал был создан в 1808 г. и составил 15 тыс. руб. (24).

Екатерина II, Александр I, вдовствующая императрица Мария Федоровна, понимая значение РБС для консолидации российского дворянства, оказывали ему разностороннюю поддержку. Даже Павел I, закрывший все клубы, оставил неприкосновенным публичные собрания московского дворянства. Александр I

счел необходимым усилить единение дворянства империи, с этой целью он сам вступил в члены собрания, а также переименовал в рескрипте Московское Благородное собрание в РБС.

Новую идентичность РБС его старшины активно использовали для восстановления дома РБС в 1813—1815 гг. Наиболее успешно эти аргументы сработали при обращении к монарху и императрице Марии Федоровне. Отчасти они сказались и при создании коммуникации РБС с провинциальным дворянством. Если до 1812 г. связи московского и провинциального дворянства складывались на основе личных контактов, то после войны возникли официальные контакты РБС с губернскими и уездными предводителями дворянства. Целью этих контактов было не только привлечение средств на восстановление дома РБС, но и стремление к консолидации дворянства Российской империи.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Барсуков А.П.* Российское благородное собрание в Москве по сохранившимся архивным документам. — М., 1886; 50-летие Одесского купеческого собрания: Исторический очерк. — Одесса, 1911; *Попов И.Г.* Введение в историю Московского немецкого клуба: К девяностолетнему юбилею клуба. — М., 1909; Московское купеческое собрание. — М., 1914.
- (2) *Гиляровский В.А.* От Английского клуба к Музею революции. — М., 1926.
- (3) *Буторов А.В.* Московский Английский клуб: Страницы истории. — М., 1999; *Куприянов А.И.* Московский Английский клуб: Очерк истории досуга московской элиты конца XVIII — начала XX вв. // Чтения по истории русской культуры. — М., 2000. — С. 249—285; *Завьялова Л.В.* Петербургский английский клуб. 1770—1918. — СПб., 2005; *Розенталь И.С.* И вот общественное мнение! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII—XX вв. — М., 2007.
- (4) *Завьялова Л.В.* Петербургский английский клуб... — С. 5.
- (5) Два документа к истории Московского Английского клуба // Сборник старинных бумаг, хранящихся в архиве П.И. Щукина. — М., 1899. — Ч. 5. — С. 227.
- (6) Московское купеческое собрание. — С. 10.
- (7) К столетнему юбилею Московского дворянского клуба // Русский архив. — 1879. — № 4. — С. 523—524; Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. — М., 1891. — Ч. 2. — Стб. 1068—1070.
- (8) Московское купеческое собрание. — С. 12.
- (9) *Барсуков А.П.* Российское благородное собрание в Москве. — С. 3.
- (10) *Розенталь И.С.* И вот общественное мнение!.. — С. 24—25.
- (11) *Миранда де Ф.* Российский дневник. — М.—СПб., 2000. — С. 32—33.
- (12) См. подробнее: *Куприянов А.И.* Московский Английский клуб...
- (13) *Розенталь И.С.* И вот общественное мнение!.. — С. 21.
- (14) Центральный исторический архив г. Москвы (ЦИАМ). — Ф. 381. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 2.
- (15) *Барсуков А.* Российское благородное собрание в Москве. — С. 26.
- (16) ЦИАМ. — Ф. 381. — Оп. 1. — Д. 28.
- (17) *Барсуков А.* Российское благородное собрание в Москве. — С. 27.
- (18) ЦИАМ. — Ф. 381. — Оп. 1. — Д. 28. — Л. 12, 12 об. — 15, 47 об., 49 об., 52 об., 80 об. — 81.
- (19) Правила Российского благородного собрания 1803 года // *Барсуков А.* Российское благородное собрание в Москве. — С. VII—VIII.
- (20) Там же. — С. VIII.
- (21) Московское купеческое собрание. — С. 133.

- (22) Там же. — С. 136—137.
(23) *Дёнингдаус В.* Немцы в общественной жизни Москвы: симбиоз и конфликт (1494—1941). — М., 2004. — С. 258, 260.
(24) ЦИАМ. — Ф. 381. — Оп. 1. — Д. 465. — Л. 102, 107 об.

THE RUSSIAN NOBLE MEETING IN CLUB STRUCTURE OF PREREFORM MOSCOW

V.V. Landinov

Center on studying of Russian culture
Institute of the Russian history
of the Russian Academy of Sciences
Dm. Ulyanova Str., 19, Moscow, Russia, 117036

In article are analyzed socio-cultural conditions of formation of the Moscow Noble meeting (since 1810 of the Russian Noble meeting) and its places in club structure of Moscow of the prereform period.

Key words: nobility, Russian Noble meeting, club movement, noble club, noble consolidation, Russian culture.